

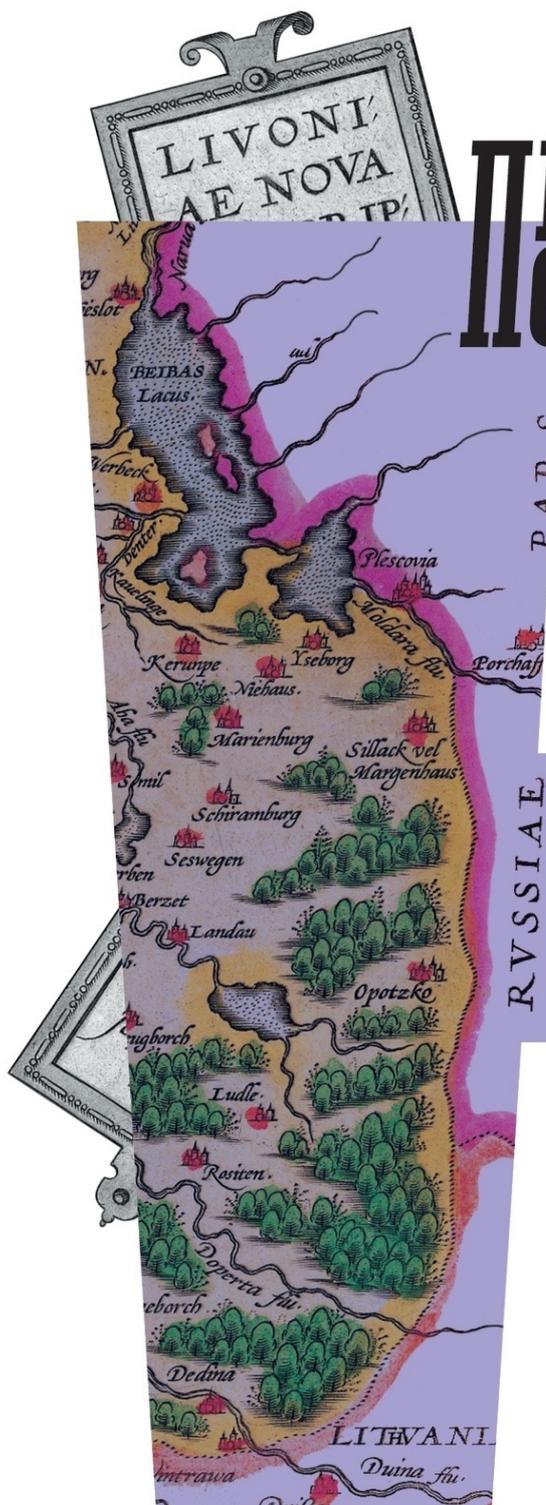
АЛЕКСАНДР ФИЛЮШКИН

ПЕРВОЕ

ПРТИВОСТОЯНИЕ

РОССИИ

И ЕВРОПЫ

ЛИВОНСКАЯ
ВОЙНА
ИВАНА
ГРОЗНОГО

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Александр Филюшкин

**Первое противостояние
России и Европы. Ливонская
война Ивана Грозного**

«НЛО»

2018

УДК 94(47)«1558/1583»
ББК 63.3(2)43-68

Филюшкин А. И.

Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин — «НЛО», 2018 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-4448-1029-3

Книга Александра Филюшкина посвящена масштабному столкновению на Балтии во второй половине XVI века с участием России, Ливонии, Швеции, Польши, Великого княжества Литовского, Дании, Священной Римской империи и Пруссии. Описываемые события стали началом долгой череды противостояний России и Европы, определивших характер международного общения последующих столетий. Именно в конце XVI века военной пропагандой были рождены многие штампы и мифы друг о друге, которые питали атмосферу взаимной неприязни и которые во многом живы до сих пор. Александр Филюшкин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

УДК 94(47)«1558/1583»

ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-4448-1029-3

© Филюшкин А. И., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Введение	5
Глава 1. Что такое Ливонская война	8
Что мы знаем о Ливонской войне?	8
Кто назвал войну Ливонской?	11
Когда началась и закончилась война? Ливонская война или балтийские войны?	13
Типология войн XVI века	15
Глава 2. Действующие лица, или будущие участники борьбы за Ливонию	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Филюшкин

Первое противостояние России и Европы

Ливонская война Ивана Грозного

Введение

Русские всегда смотрели на Европу со смешанным чувством. Ее любили, желали, ненавидели и боялись одновременно. Мечтая о преодолении собственных недостатков и развитии в единстве с европейцами, Россия в то же время ни с кем не воевала так много, как с Европой. Причем противостояние было обоюдным. Начиная с XVII века каждое столетие начиналось крупным европейским вторжением в Россию: польская и шведская интервенции в Смуту 1604–1618 годов, походы шведского короля Карла XII во время Северной войны 1700–1721 годов, Отечественная война 1812 года, Первая мировая война 1914–1918 годов, Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Но и Европа видела крупные наступления русских: победу над Речью Посполитой в войне 1654–1667 годов и присоединение Украины, разгром Шведской империи в годы Северной войны и присоединение Прибалтики, взятие Берлина в 1760 году, разделы Польши 1772, 1793, 1795 годов, взятие Парижа в 1814 году, подавление венгерской революции 1848 года, победоносную войну на Балканах в 1877–1878 годах, советско-финскую войну 1939–1940 годов и победу во Второй мировой войне 1939–1945 годов.

В связи с этим важен вопрос – когда, собственно, началось это парадоксальное сочетание взаимного притяжения и войны? Ведь мы не видим ничего подобного в русском и европейском Средневековье. Киевская Русь была вполне интегрирована в западные королевства. А средневековые княжества Восточной Европы довольно быстро или вошли в состав европейских государств – Королевства Польского и Великого княжества Литовского и Русского, или просто на несколько веков выпали из сферы внимания Европы, оказавшись в орбите влияния Монгольской империи.

Историю попыток «прорубания» окна в Европу принято начинать с эпохи Петра I, несмотря на его довольно утилитарное отношение к западным ценностям. Вспомним приписываемое ему знаменитое высказывание: «Нам нужна Европа на несколько лет, после чего мы повернемся к ней задом». Но удачному опыту петровской вестернизации, равно как и триумфальному вхождению в Европу в результате Северной войны должно было что-то предшествовать. Когда Россия начинает предпринимать осмысленные и целенаправленные действия, которые можно трактовать как попытки первого проникновения в Европу?

Пробные шаги по сближению с Западом Россия стала делать практически одновременно с образованием «государства всея Руси» в конце XV века. Путей для этого было избрано два: 1) вхождение в Европу через заключение дипломатических, военных и династических союзов и т. д.; 2) военное проникновение в Европу. Эти, казалось бы, противоположенные подходы изначально прекрасно сочетались в политике России.

Встав на первый путь, Россия пытается войти в европейские военно-политические коалиции. Начиная с 1489 года европейские дипломаты рассматривают ее как потенциального члена «антимусульманской лиги» – союза европейских государств под эгидой Священной Римской империи, направленного против турецкой агрессии. Москве предлагались уния православной и католической церквей, королевский титул для великого князя владимирского и московского и вхождение на правах королевства в состав подвластных императору королевств, графств, курфюршеств и прочих земель.

Условия были неприемлемыми: для страны, только что сбросившей татарское иго, суверенитет был высшей ценностью. Жалование королевского титула из рук императора в глазах Москвы не сильно отличалось от получения ханского ярлыка на княжение. С Турцией тогда Россия не имела вообще никаких конфликтов (первая русско-турецкая война случится спустя 100 лет, в 1569 году). Вассал Османской империи – Крымское ханство – до 1507 года был союзником, а крымский хан звался «братом» великого князя московского. То есть «антимусульманская лига» России была не нужна, но ради налаживания контактов с Западом великие князья продолжали переговорный процесс, не делая реальных шагов по вступлению в «лигу». К 1520-м годам в Ватикане и при императорском дворе наступило разочарование в России как потенциальном члене антимусульманского альянса. Она не захотела «входить в Европу» на чужих условиях, а в другом качестве была неинтересна.

Россия могла стать партнером и в другом европейском противостоянии – схватке Габсбургов и Ягеллонов за восточноевропейские земли (Венгрию, Чехию, Молдавию). Она поддерживала Габсбургов. В 1513 году после визита в Москву посла Священной Римской империи Георга Шнитценпаумера фон Зоннега чуть не был заключен русско-германский союз, но спустя два года на Венском конгрессе император Максимилиан помирился с Ягеллонами, и перспективы альянса померкли.

Россия продолжила свои попытки завязать тесные связи с германским миром. В 1517–1519 годах она оказывала денежную поддержку военным действиям Тевтонского ордена против Польши, попросту говоря – финансировала войну немецких рыцарей против поляков. Ставка была сделана на то, что эту помощь оценят Габсбурги. Но партнер был выбран неудачно: орден оказался бездарным воителем и проиграл войну, а вскоре, в 1525 году, сдался Польше, став ее вассалом. Россия вновь осталась без союзников.

Последующие попытки завести друзей в Европе путем династических браков были столь же безуспешны. В 1560 году возник план женить Ивана Грозного на одной из дочерей польского короля Сигизмунда II Августа, Анне или Катерине Ягеллонках. Россия к этому времени находилась на грани войны с Польшей, и женитьба могла бы разрядить обстановку и превратить врагов в союзников. Сватовство провалилось, Катерину в 1562 году отдали замуж за будущего шведского короля, а тогда финляндского герцога Юхана III. Датского герцога Магнуса хотели расположить к России, женив его в 1573 году на дочери казненного князя Владимира Старицкого Марии, однако русская жена не смогла остановить Магнуса – он предал Ивана Грозного и перешел на службу польскому королю Стефану Баторию. В 1581 году Иван Васильевич при живой жене Марии Нагой сватался к английской королеве, рассчитывая на союз с Англией. Планы женитьбы вызвали большой переполох в придворных кругах и не нашли поддержки у русской аристократии. Когда Иван Грозный умер, дьяк Щелкалов злорадно бросил английскому послу Боусу: «Умер твой английский царь».

Раз не получались союзы, Россия вступала на второй путь и начинала воевать: в 1500–1503 годах – с Немецким орденом в Ливонии, в 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1535 годах – с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, в 1555–1557 и 1589–1595 годах – со Швецией.

В 1558–1583 годах развернулся вооруженный конфликт России с немецким Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, Швецией при участии наемников из многих западных стран – Священной Римской империи, Венгрии, Пруссии, Италии, Франции и даже Шотландии. Его принято называть «Ливонской войной». Размах этого столкновения позволяет квалифицировать его как первую войну России и Европы, не только развернувшуюся в военной и политической сфере, но и приведшую к противостоянию двух миров, культур, социально-политических систем. Его последствия радикально изменили облик Восточной Европы: два государства (Ливония и Великое княжество Литовское) прекратили свое существование. Вместо Ливонии возникли вассальные образования в Прибалтике (под-

чиненная Польше Курляндия, шведская Северная Эстония, польское герцогство Задвинское). Великое княжество Литовское утратило свою независимость и в 1569 году по Люблинской унии слилось с Польшей в единую Речь Посполитую «обоих народов».

Считается, что война за Прибалтику роковым образом сказалась на судьбе России. По определению историка Александра Янова, поражение привело ее к «политическому коллапсу». Если в 1550-е годы она претендовала на роль европейского лидера во всех сферах – от политики до культуры, то после 1583 года она превратилась в третьеразрядную страну. Результатом Ливонской войны считают разорение и обнищание Северо-Запада России, что привело к социально-экономическому кризису и введению на этих землях в конце XVI века крепостного права. Ряд ученых полагает, что одной из причин появления зловещей опричнины была необходимость военной мобилизации всех ресурсов страны для продолжения борьбы с Европой.

Для западных государств война оказалась куда более успешной. Ливония погибла, но ее бывшие земли вошли в сферу влияния Польши, Швеции и Дании. В будущем верх здесь одержит Швеция, и в Прибалтике в XVII веке наступит время, которое в современной латышской или эстонской историографии именуется «золотым веком». В ходе войны Королевство Польское и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую от Поморья до Карпат, или «от моря и до моря», как гордо говорили ее жители, имея в виду Балтийское и Черное моря. Здесь формировались будущие украинский и белорусский народы, то есть закладывались основы многонационального облика Восточной Европы.

Идеологические и геополитические последствия первого противостояния России и Европы мы ощущаем до сих пор, а потому чрезвычайно важно деконструировать историографические клише, мешающие пониманию этой войны. В основу книги положены исследования, проводившиеся автором почти двадцать лет (первая публикация на тему Ливонской войны вышла в 1995 году). Они стали возможными благодаря многолетней поддержке разных организаций и фондов: Российского гуманитарного научного фонда, Министерства образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербургского государственного университета, Ягеллонского университета (Краков, Польша), программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», Фонда Герды Хенкель и др. Считаю своим долгом всем им еще раз выразить огромную благодарность.

Старый Петергоф, 2017 год

Глава 1. Что такое Ливонская война

Что мы знаем о Ливонской войне?

«Сорок миллионов школьных учебников не могут ошибаться». Когда мы говорим, что что-то «знаем» о каком-либо событии прошлого, то, как правило, имеем в виду не интеллектуальные изыски ученых, зачастую известные только самим ученым, а некую общепринятую точку зрения, набор клише. Он тиражируется в школьных учебниках, музейных экспозициях, научно-популярных фильмах и заявлениях политиков. Это своего рода «шаблон» знаний о прошлом, устойчивый стереотип, всем понятный, усвоенный и легко узнаваемый. Правда, когда начинаешь выяснять происхождение отдельных клише и их соответствие исторической действительности – они оказываются весьма далекими от реальных событий.

Итак, что «принято знать» о Ливонской войне? В учебниках она обозначена как война России с Ливонией, Литвой, Польшей и Швецией в 1558–1583 годах. Краткое резюме событий, которое можно считать историографическим каноном, можно изложить следующим образом: для развития русской торговли Иван Грозный хотел прорваться к Балтийскому морю, но ему мешал Ливонский орден, который устроил торговую блокаду Русского государства. Чтобы снести это досадное препятствие, в январе 1558 года русская армия вторгается в Ливонию и быстро добивается успеха. Когда в войну вступает Польско-Литовское государство, его сначала тоже «бьют» (наивысшей точкой успеха было взятие Полоцка в 1563 году). В 1577 году русская армия покорила почти всю Ливонию, но в 1579 году новый польский король Стефан Баторий наносит контрудар, возвращает Полоцк, в 1580 году берет Великие Луки и в 1581 году осаждает Псков. Шведы в Прибалтике «пожинают плоды чужих побед» и теснят Россию, у которой не получается воевать на два фронта. В итоге Иван Грозный войну проиграл, подписал Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой и Плюсское перемирие со Швецией. Россия не добилась выхода к Балтийскому морю и потеряла все завоевания в Ливонии. Война имела массу негативных последствий: русское общество устало от нее, наступил социально-экономический кризис, который косвенно способствовал введению крепостного права и даже наступлению Смутного времени.

В трудах историков можно прочесть весьма яркие оценки и характеристики Ливонской войны. Например, Николай Карамзин осудил Ивана Грозного за прекращение войны и бездарный мир: «Россия казалась слабою, почти безоружною, имея до восьмидесяти станов воинских или крепостей, наполненных снарядами и людьми ратными – имея сверх того многочисленное воинство полевые, готовые устремиться на битву! Зрелище удивительное, навеки достопамятное для самого отдаленнейшего потомства, для всех народов и властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижает душу, ослепляет ум привидениями страха, мертвит силы и в государе и в государстве! Не изменились россияне, но царь изменил им!.. Так кончилась война... постыдная для Иоанна, который в любопытных ее происшествиях оказал всю слабость души своей, униженной тиранством; который, с неутомимым усилием домогаясь Ливонии, чтобы славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою – воевав двадцать четыре года непрерывно, чтобы медленно, шаг за шагом двигаться к цели – изгубив столько людей и достояния – повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксу, вдруг все отдал – и славу и пользу».

То есть Карамзин обвинил Ивана Грозного, что тот не стал Петром I и не добыл для России выход к морю еще в XVI веке. Фигура Грозного идеально подходила для тезиса «первого историографа» о зависимости судеб страны от моральных качеств государя. Царь Иван ока-

зался жесток и порочен и из-за низости природы фактически предал героизм своих подданных, обратив в прах их усилия. Какой урок для современников!

Сергей Платонов в чем-то предвосхитил подход советских историков: «Ливония, на которую он (Иван Грозный. – А. Ф.) направил свой удар, представляла в ту пору, по удачному выражению, страну антагонизмов. В ней шла вековая племенная борьба между немцами и аборигенами края – латышами, ливами и эстами. Эта борьба принимала нередко вид острого социального столкновения между пришлыми феодальными господами и крепостной туземной массой». Россия, таким образом, уничтожая орден, оказывалась на стороне «туземной массы» и помогала «братским прибалтийским народам» свергнуть немецкое иго. Эта мысль получила большое развитие в советской историографии, так как идеально подходила для обоснования прав СССР на Прибалтику. Мол, эсты и латыши встречали с цветами еще войска Ивана Грозного...

Правда, С. Платонов отмечает, что «...борьба, тянувшаяся четверть века, окончилась полной неудачей. Причины неудачи находятся, конечно, в несоответствии сил Москвы с поставленной Грозным целью. Но это несоответствие обнаружилось позднее, чем Грозный начал борьбу: Москва стала клониться к упадку только с 1570-х годов. До тех же пор ее силы казались громадными не только московским патриотам, но и врагам Москвы. Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье, появление русских войск у Рижского и Финского заливов и наемных московских каперских судов на Балтийских водах поразило Среднюю Европу... Принимались меры к тому, чтобы не допускать ни москвитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобшив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению». Таким образом, Ливонская война помещалась историком в область векового противостояния России и Запада, являлась примером козней Европы против русских.

Эти идеи получили развитие в советской исторической науке, которая, впрочем, посвятила войне всего одну монографию «Ливонская война» (1954), написанную в ключе сталинских историографических установок. Ее автор, Владимир Королюк, утверждал, что сущностью международной деятельности России в XVI веке было осуществление «широкой внешнеполитической программы», начатой еще Иваном III. Она заключалась в борьбе на трех направлениях: с татарскими ханствами, возникшими на обломках Золотой Орды, с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским за захваченные ими украинские и белорусские земли и с Ливонским орденом и Швецией, «стремившимися изолировать Русское государство от необходимого ему естественного и удобного выхода к Балтийскому морю».

Ученый оправдывал войну тем, что Запад установил настоящую блокаду Русского государства чтобы не допустить его развития: «Русское ремесло задыхалось от отсутствия цветных и благородных металлов», поступлению которых мешал «жалкий осколок средневековья» – Ливонский орден. За войну выступали прогрессивные силы общества, им противились предатели и отсталые представители бояр-феодалов: «Программа борьбы за Прибалтику отвечала интересам дворянства и посадской верхушки. Дворянство рассчитывало на новые помещные раздачи земель в Прибалтике. Все более втягивающееся в рыночные отношения дворянское хозяйство нуждалось и в установлении правильных торговых отношений со странами Восточной и Западной Европы. Особенно большое значение торговля через Прибалтику имела для растущих русских городов. Русское купечество стремилось к тому, чтобы открыть русским товарам европейские рынки. Поэтому вполне естественно, что дворянство и посадские верхи оказывали энергичную поддержку внешней политике Грозного».

Спустя несколько лет после войны с Германией тезис о борьбе за выживание был понятен и легко ложился на идеологию, господствовавшую в стране. Необходимость прорыва к морю, дальновидность политики царя с его «прогрессивным войском опричников» для советских историков 1950-х годов была очевидной. Позже эти оценки, в несколько смягченном виде (без

одобрения «прогрессивных опричников»), были повторены в ставших классическими работах советских историков (А. Зимина, Р. Скрынникова и др.) и попали во все школьные учебники.

После распада СССР Ливонская война вновь оказалась в центре внимания ученых, только уже в иной роли. Для эстонской, латышской, литовской и белорусской историографий она стала аргументом в пользу тезиса, что агрессивность России против своих соседей имеет глубокие исторические корни и восходит по крайней мере ко временам Ивана Грозного. Белорусский историк Андрей Янушкевич писал, что Ливонская война стала «последним испытанием в борьбе за государственную независимость» Великого княжества Литовского, которое считается историческим предшественником Белорусского государства.

В российской историографии 2000-х годов тенденции деконструкции предшествовавшей историографии также затронули концепцию Ливонской войны. Причем они проникли и в научные труды, и в публицистику. В 2003 году вышло фундаментальное исследование Анны Хорошкевич «Россия в системе международных отношений в середине XVI века». По сравнению с предшественниками здесь оценки радикально изменились. Хорошкевич стремилась изобразить войну прежде всего как конфликт внутри русского общества – между царем-тираном вместе с его кровавыми приспешниками, которые вели агрессивную политику по отношению к соседним странам, и либерально настроенным обществом, которое не хотело войны, а хотело дружить с Западом. Политика Ивана Грозного удостоена хлестких оценок: «...несомненная победа русской дипломатии над здравым смыслом» – о русско-ливонском договоре 1554 года; «последнее требование звучало издевательски» – о переговорах о размерах дани в 1557 году; «стиль ведения войны... вызвал в Европе ужас» – о январском походе 1558 года; «из нашего „далека“ можно оценить программу А. Ф. Адашева... как программу развития гражданских свобод» – о деятельности «Избранной рады»; «исход этого этапа, внешне похожий на триумфальную победу, по существу оказался серьезнейшим поражением» – о взятии Полоцка в 1563 году; «крах ливонской авантюры» – о русско-ливонском перемирии 1570 года. Ливонская война, на взгляд Хорошкевич, была не по силам русскому обществу, а потому продолжение войны вызвало проблемы с мобилизацией ресурсов. Инструментом мобилизации стала опричнина Ивана Грозного, то есть борьба за Ливонию косвенно способствовала установлению страшного деспотического террора против своих подданных.

Негативные оценки Ливонской войны получили развитие в недавней научно-популярной книге екатеринбургского историка Александра Шапрана «Ливонская война 1558–1583 годов» (2009). Он считает войну «главной политической ошибкой московского правительства», а ее проигрыш – показателем «полной политической несостоятельности Московского государства той эпохи». По мнению автора, война «...своим плачевным исходом, мягко говоря, не приумножила славы Отечества... любая оправдательная трактовка причин Ливонской войны отдает неприкрытым цинизмом». Иван Грозный – один из «самых жалких и ничтожных правителей русского государства». Война оказала большое негативное влияние на развитие России, «одна из величайших военных авантур мировой истории полностью провалилась».

Как мы видим, оценки и характеристики Ливонской войны в разные времена были зависимы от политической и идеологической конъюнктуры. Авторы писали – и продолжают писать – не о Ливонской войне, а о своем времени. Как очень точно выразился эстонский историк Маргус Лаидре, «мы помним не прошлое, мы вспоминаем настоящее». Перед нами не столько исторические реконструкции, сколько диалог интеллектуалов с современными им правителями, которых или восхваляют, или нещадно критикуют. В какой-то степени это неизбежно, потому что историк – сын своего времени. В ситуации с Ливонской войной подобная тенденциозность проявляется особенно ярко, поскольку война изучена слабо, и недостаток фактов легко подменить хлесткими оценочными суждениями.

Кто назвал войну Ливонской?

Если читать не историков XIX–XXI веков, а источники, то мы не встретим никакой Ливонской войны. Войны, как верно заметил М. Лаидре, начинаются безымянными и чаще всего проходят безымянными. Имя свое они получают у потомков. Мало того, в исторических источниках нет описания двадцатипятилетней кампании, растянутой с 1558 по 1583 год. На страницах летописей, разрядных книг, дипломатических документов рассказывается о бесконечной череде боев, походов, осад крепостей. Одно сражение сменяет другое, и так продолжается весь XVI век. Как известно, за пятьдесят один год правления Ивана Грозного (1533–1584) мирных было... три.

Изображение военных действий в летописании четко делится на два типа. Летописные своды времени Ивана Грозного сосредотачиваются на первых, успешных годах войны, покорении Прибалтики, взятии Полоцка, а после 1567 года изложение событий обрывается. Летописцы конца XVI века и компилятивные летописные тексты XVII века, напротив, подробнее пишут о 1570-х годах, причем записи составлены часто на основе разрядов и явно носят «служебный характер»: возвысить роль того или иного рода, обосновать древность его службы государю. К концу XVI века относится «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», в которой говорится о грандиозной победе, одержанной псковичами над польским королем. То есть, согласно русской книжности XVI века и вопреки историкам Нового времени, Россия вовсе не проиграла, а выиграла войну...

А откуда тогда на страницах русских исторических трудов взялась Ливонская война? В русской историографии она впервые появляется в 1786 году в «Истории российской от древнейших времен» князя Михаила Щербатова. В ней был впервые употреблен термин «Лифляндская война» для обозначения боевых действий 1558–1582 годов как последовательных эпизодов борьбы за Прибалтику, длившейся двадцать пять лет.

Правда, труд Щербатова мало кто прочитал, и на историографию он особого влияния не оказал. Но Щербатова прочел следующий историк, который и утвердил в умах существующий донныне взгляд на Ливонскую войну, – Н. Карамзин. В «Истории государства Российского» он заложил многие дискурсы ее восприятия, написав о войне как прорыве к Балтийскому морю, о том, что Иван IV якобы уже с 1554 года стал именоваться «государем Ливонской земли» (ошибка, порожденная неверной датой в публикации Гаклюйта), о том, что конфликт был вызван торговой и культурной блокадой Западом Российского государства. Карамзин приписал Ивану Грозному крылатую фразу «Я не папа и не император, которые не умеют защитить своих храмов» и утверждал, что защита православия была также одним из побудительных мотивов вторжения в Ливонию.

Главное, что сделал Карамзин, – он изобразил войну как глубоко продуманную стратегическую кампанию по обретению Россией статуса европейской державы, для чего был необходим выход к морю. Якобы Иван IV в XVI веке понял эту задачу, но не справился с ней. Именно это положение станет основой концепции Ливонской войны в российской историографии с начала XIX по XXI век.

То есть можно сказать, что Ливонская война в своих хронологических и концептуальных рамках возникла не ранее конца XVIII – начала XIX века и была сочинена Щербатовым и Карамзиным в духе своего времени, когда Россия прочно утвердилась на берегах Балтийского моря, а Екатерина II делила и присоединяла огромные пространства Речи Посполитой (кстати, врага России в Ливонской войне). В XVIII веке политики и историки уже могли мыслить такими категориями, как «выход к морю», «мировая держава», «стратегические интересы империи» и т. д. – вспомним знаменитый «Греческий проект» Екатерины II и Архипелагские экспедиции. Мало того, такое мышление считалось единственно верным и легко

приписывалось предкам: их поступки и деяния, столь непонятные на страницах летописей, обретали смысл, понятный современникам.

А как Ливонскую войну воспринимали по другую сторону фронта? Как смотрели на войну ее европейские участники? Тут тоже не все просто. В первоначальных ливонских хрониках (И. Шмидта, И. Реннера) она изображена как очередные военные столкновения с русскими – тогда еще никто не понимал масштабов происходящего. Момент осмысления наступил, когда в конце концов Ливония погибла. Трагический конец самой восточной провинции Священной Римской империи оказался прекрасным примером и для католиков, и для протестантов. В 1564 году в Антверпене, Лювене и Кельне тремя изданиями вышла первая история Ливонской войны («*Historia belli Livonici*»), написанная Тильманом Бреденбахом, который, впрочем, лично не участвовал в конфликте. Собственно, этим сочинением он и ввел в обиход термин «Ливонская война».

Правда, дальше начинаются отличия от той версии, которую мы связываем с историографическим канон Ливонской войны. Для Бреденбаха кампания начинается не с вторжения русских войск в 1558 году, а с конфликта Ливонии и Польши в 1556 году. Основной смысл происходящего, согласно католику Бреденбаху, – борьба между правой католической верой и неверными протестантами. Эта война негодна Господу, и он наказывает за протестантскую ересь нашествием иноплеменных (русских, которые выступают орудием Божьего гнева), гибелью государства и т. д.

Протестантская версия истории гибели Ливонии получила развитие на страницах знаменитой «Хроники провинции Ливония» («*Chronica der Provintz Lyfflandt*») ливонца Бальтазара Рюссова (1578). Здесь было все наоборот: причиной несчастий Ливонии были объявлены католики. Немецкий орден морально разложился, выродился, рыцари погрязли в разврате и пьянстве. Русские-московиты для Рюссова, несомненно, захватчики и агрессоры, но вина за падение ливонского государства лежит в первую очередь на бездарных политиках ордена, которые легкомысленно отнеслись к русской угрозе, пили и веселились, «пока над всеми не пролетел великий коршун». Война у Рюссова изображена как череда непрерывных боевых действий, начиная с польско-ливонского кризиса 1556 года и заканчивая годом выхода «Истории...», выдержавшей в XVI веке три издания (1578–1584).

Определение «Ливонская война» есть в других европейских сочинениях, вышедших в XVI веке. Их авторы называют разные даты ее начала (1556, 1558) и окончания (1560, 1564, 1571 и т. д.). Под ней понимается в основном война на территории Ливонии. Поляки использовали термин «Война в Инфлянтах». Он попал от них на страницы «Истории о князя великого московского делах» начала 1580-х годов эмигранта в Великое княжество Литовское Андрея Курбского. А вот боевые действия 1579–1581 годов благодаря польским историкам, в частности Рейнгольду Гейденштейну, современники называли «Московской войной». Это название иногда относили и ко всей Ливонской войне, как, например, в сочинении «*De Moscorum Bellis*» И. Левенклавия (1571).

Когда началась и закончилась война? Ливонская война или балтийские войны?

В каждом исследовании надо установить точки координат. Прежде всего стоит оговорить, что мы постараемся уйти от русско-ливонских или русско-литовских схем подачи информации. Война за Ливонию – это не двух- или трехсторонний конфликт. Это активная, «горячая» фаза борьбы за господство на Балтике в XVI веке, которую вели «старые» и «молодые» державы. «Старые» (Ливония, Дания, Священная Римская империя с ее Ганзейским торговым союзом) пытались удержать традиционные сферы своего влияния и территориальные владения. «Молодые» – Россия (возникла как единое государство в конце XV века) и Швеция (обрела независимость в 1523 году) – пытались заявить о себе на международной арене, оспорить старые порядки и пересмотреть границы в свою пользу. Роль Королевства Польского и Великого княжества Литовского в этой системе отношений двойственна: с одной стороны, геополитически это скорее «старая» держава, которая при этом упорно идет к своей цели – ликвидации владычества Немецкого ордена на Балтике и замене его польским владычеством. В ходе противостояния с Россией она перерождается в новое государство – Речь Посполитую, отличающуюся передовым для того времени социально-политическим устройством, имевшим черты дворянской республики. В этом смысле произошло обновление Польши и Литвы, превратившихся из средневековых государств в раннемодерное государство Нового времени, которому для самоутверждения были необходимы победы на международной арене.

В данном контексте Ливония оказалась самым слабым звеном. Фактически она была обречена «быть сожранной» своими агрессивными соседями. Причем мнение некоторых ученых, что орден мог найти в себе силы ответить на вызов и переродиться в монархическое раннемодерное государство, в данном случае малосущественно. Во что бы он ни переродился, крошечная по сравнению с соседями страна все равно не смогла бы противостоять столь масштабной внешней агрессии. Дни Ливонии были сочтены, ее в любом случае собирались делить соседние страны. В этом плане термин «война за ливонское наследство», который предложил историк Виталий Пенской, кажется правильным и правомерным. Ливонию он называет «больным человеком» Северо-Восточной Европы (по аналогии с распадающейся Османской империей конца XIX – начала XX века).

Нам представляется, что термин «Ливонская война» можно использовать как условный, отдавая дань историографической традиции. Правильнее говорить о целой серии локальных войн за Прибалтику и Восточную Европу, которые можно назвать «балтийскими войнами». Почему «балтийскими», а не «ливонскими»? Потому что эти войны ограничивались территорией не Ливонии, а скорее Балтийского региона. Эти конфликты сконцентрированы довольно плотно во второй половине XVI века: русско-шведская война (1555–1556), «война коадьюторов» в Ливонии (1556–1557), русско-ливонская война (1558–1561), русско-литовская война (1561–1570), датско-шведская война (1563–1570), русско-шведская война (1578–1583), русско-польско-литовская война (1579–1582), русско-шведская война (1589–1590). В 1595 году был подписан Тязвинский мир России и Швеции, который мог бы на долгие годы определить новую геополитическую конфигурацию в Прибалтике, но вскоре все карты смешал конфликт Речи Посполитой и Швеции за Ливонию, а также Русская Смута. По итогам Столбовского мира со Швецией в 1617 году Россия на самом деле окажется отрезанной от Балтийского моря, а на его берегах утвердится Швеция, к тому времени одолевшая и вытеснившая из Прибалтики Польшу. В XVII веке Балтийское море превращается в «шведское озеро», и сокращать Шведскую империю придется уже Петру I. Если мы примем такую хронологию конфликта, то у нас получается столетия балтийских войн – с момента начала борьбы за передел Балтики до ее

логического окончания, когда победители достигли поставленной цели, а проигравшие смирились с поражением.

Почему важно выделять отдельные войны? Какая разница – ведь борьба все равно шла вокруг Ливонии, и удобнее сгруппировать все эти войны в единый большой конфликт, сделав локальные кампании этапами «Ливонской войны»? На самом деле от того, как названа война и каковы ее хронологические рамки, зависит общая оценка кампании.

Когда мы говорим «Ливонская война 1558–1583 годов», то выводы однозначные: она проиграна. Когда мы выделяем отдельные войны (а критерий выделения – от начала боевых действий до мирного договора, прекращающего эти действия на какой-то срок), то картина получается более адекватной. Война за Ливонию 1558–1561 годов проиграна Ливонией и выиграна всеми остальными участниками, разделившими между собой эту страну (Россией, Польшей, Литвой, Данией, Швецией). Русско-литовская война 1561–1570 годов завершилась трехгодичным перемирием в пользу России (самый крупный «приз» – Полоцк – остался за ней). Датско-шведская война 1563–1570 годов за доминирование на Балтике фактически завершилась вничью. А вот «Московская война» 1579–1582 годов с Речью Посполитой и столкновения со Швецией в 1578–1583 годах оказались роковыми для армии Ивана Грозного и были им проиграны. Правда, у Швеции Россия в 1595 году возьмет реванш.

Когда мы говорим о *балтийских войнах*, то более выпуклой становится роль Швеции, Дании, Польши. Когда пишем *Ливонская война*, то на первый план выходит борьба России за Ливонию с остальными. Такой сдвиг акцентов создает россицентричную оптику конфликта и мешает поместить его историю туда, где ему надлежит быть, в контекст европейских войн XVI века.

Типология войн XVI века

Когда мы говорим о Ливонской войне, или балтийских войнах, как о европейском конфликте, необходимо задать вопрос: а к какому типу войн относится данный конфликт? Как его классифицировать? Среди военных кампаний XVI века можно выделить, во-первых, *колониальные войны*, которые, например, вела Португалия за доминирование в Индийском океане (1505–1517) и Испания для присоединения Мексики (1519–1521) и государства инков (1531–1572).

Ливония была частью европейского мира, поэтому ее раздел между Польшей, Литвой, Данией и Швецией, безусловно, лежит вне контекста колониальных войн. А вот чем эта война была для России? Ряд ученых рассматривает завоевание Москвой Казани (1552), Астрахани (1556) и попытку захвата Ливонии как первые шаги по строительству будущей Российской империи. Тогда Ливония вполне может рассматриваться как ее потенциальная колония.

Принять эту точку зрения мешает сразу несколько обстоятельств. Россия в экономическом и культурно-цивилизационном плане была менее развитой, чем Ливония. Конечно, история знает немало случаев колонизации менее развитым государством более развитого. Но Россия в XVI веке практически не осваивала Прибалтику как метрополия – колонию. В Ливонии происходили чисто феодальные пожалования и раздачи земель русским дворянам. Торговая инфраструктура ливонских городов, в том числе в случае «Нарвского плавания», использовалась паразитически. Русские в Ливонии, как неоднократно отмечалось исследователями, плохо вписывались в городскую европейскую культуру, предпочитали создавать в ней свои изолированные миры.

Возможно, в перспективе земли Ливонии могли бы стать колонией Российской империи. Но для этого нужна была осознанная имперская политика. Москва в середине XVI века не очень знала, что делать с приобретениями, кроме того, чтобы, следуя средневековым моделям, превратить их в вассальное королевство, обложить данью, «перебрать людишек» или раздать земли в поместья детям боярским. Поэтому там, где не было геополитических конкурентов, Россия утвердилась (в Поволжье), а где они были (в Прибалтике), она потерпела поражение. Чисто феодальных раздач в Европе XVI века было недостаточно, нужны были современные решения.

Во-вторых, были *войны за независимость*, такие как датско-шведский конфликт (1520–1523), Восьмидесятилетняя война за независимость Нидерландов (1568–1648) и т. д. Воспринималась ли в Европе война за Ливонию как война за ее освобождение и независимость? Ответ будет отрицательным. Ливония очень быстро, уже после разгрома при Эрмесе (1560), перестала быть активным участником сражений. За нее воевали другие, а участие в боях отрядов курляндцев, городских ополчений Риги и Ревеля было сравнительно небольшим. После 1561 года уже не было носителя идеи восстановления ливонской государственности. Никто из других сторон конфликта (ни поляки, ни шведы, ни датчане) не предполагал реанимировать довоенную Ливонию в случае победы над Россией. Речь шла только о ее разделе и переподчинении.

В-третьих, в XVI веке в Европе гремели *религиозные войны*, связанные с Реформацией (Шмалькальденская война 1546–1547 годов, религиозные войны во Франции в 1562–1592 годах). Как уже говорилось, изначально Ливонскую войну трактовали именно как религиозную – конфликт католиков и протестантов, но эта трактовка не получила развития, поскольку на практике Ливонская война не носила ярко выраженного религиозного характера и не привела к массовым перекрещиваниям и религиозным чисткам.

Собственно, единственный известный нам эпизод религиозных репрессий – легенда о казни Иваном Грозным полоцких евреев в 1563 году. Но, во-первых, он единичный, во-вто-

рых, гонениями на евреев Европу XVI века было не удивить, в-третьих, достоверность этого эпизода точно не подтверждена, в нем, как отмечено историком И. Берлиным, слишком много от литературных легенд.

Более всего Ливонская война похожа на Итальянские войны 1494–1559 годов, которые, по определению Р. Маккенни, были направлены на присоединение «карликовых государств» к новым монархиям. Собственно, аналогичный процесс происходил и в Ливонии. Она была карликовым и неспособным к сопротивлению государством с отжившей социально-политической организацией в виде ордена. На ее раздел претендовали старые и новые европейские монархии – Швеция, Польша, Литва, Дания, Россия. Участие в конфликте последней и отличало его от Итальянских войн. Право на раздел Прибалтики для династий Ягеллонов, Ольденбургов, Ваз было сразу и безоговорочно признано Европой, а право Рюриковичей – нет. Россия попыталась легитимизировать завоевания, заключив международные соглашения, но это удалось только в отношениях с Данией. В самой Ливонии законность действий русских войск основывалась на соглашениях с горожанами, для чего в 1558 году велись переговоры с представителями Нарвы, а жителям Дерпта была дарована жалованная грамота и т. д.

Но все равно в глазах «христианского мира» ни одно действие России не было признано законным – даже по праву войны, хотя аналогичные действия войск других стран осуждения не вызывали. Скажем, герцог Магнус не считался агрессором даже тогда, когда его войска действовали в Ливонии совместно с русскими. Шведов однозначно воспринимали как освободителей. К полякам относились более прохладно в силу их католической веры, но все равно они были свои.

Россия с самого начала конфликта была в глазах современников чуждой, внешней силой, вторгшейся в Прибалтику извне, из-за пределов «христианского мира». Отсюда очень рано возникшая аналогия с другими европейскими войнами XVI века – с *турецкими*. Собственно, вся европейская антимосковская пропаганда этого периода строилась как раз на сравнении российской и турецкой агрессии. Московиты очень часто изображались в турецких одеждах, тюрбанах, с кривыми ятаганами и т. д. Во многом эти дискурсы получили развитие благодаря Польше, которая с их помощью стала позиционировать себя в Европе как форпост «христианского мира» перед лицом восточных варваров.

Насколько правомерно считать Ливонскую войну аналогом турецких войн? Они отличались адресностью: Турция выступала против «неверных», тогда как Россия никогда не позиционировала себя как непримиримого врага западных христиан, против которых надо вести священную завоевательную войну. Редкие нотки пропагандистской риторики – например, антипротестантские выступления времени Полоцкого взятия 1563 года – в своей основе все-таки имели политические, а не религиозные мотивы. При Эрике XIV Иван Грозный преспокойно общался с протестантской Швецией, не смущало его и развитие реформационного течения в Англии, на королеве которой он даже собирался жениться.

Для Турции противником был весь «христианский мир», агрессивные планы России в XVI веке ограничивались Прибалтикой и пограничными землями Великого княжества Литовского. Русские войска почти все столетие простояли в нескольких днях пути от Киева и ни разу (!) не пытались достичь этого древнего центра, именовавшегося в летописях «матерью русских городов». Показательно, что вся переписка Литвы того времени пронизана страхом, что русские вот-вот пойдут на Киев. После взятия Полоцка в 1563 году путь на столицу Литвы, Вильно, был открыт – между Полоцком и Вильно не было сильных крепостей и значимых рубежей, на которых можно было бы сдержать наступление Ивана Грозного. Но оно так и не состоялось, на Вильно русская армия пойдет только век спустя, в 1655 году.

Наступление турок на Европу было в XVI веке остановлено упорным сопротивлением армии Габсбургов, немцев, австрийцев, венецианцев, венгров и других народов, героической обороной Вены (1529), Эгера (1552), победой над османами при Лепанто (1571) и т. д. Анало-

гичного по масштабам русского наступления на Европу в истории XVI века не было, и таких планов и намерений у последних Рюриковичей не существовало.

Глава 2. Действующие лица, или будущие участники борьбы за Ливонию

В 1537 году Иоанн Буциус создал рисунок «Еурога regina», впоследствии неоднократно растиражированный. Рисунок наиболее известен по печатной гравюре Себастиана Мюнстера 1570 года. На ней Европа изображена в виде королевы, на разных частях тела которой надписаны страны. Правой рукой является Италия, левой – Саксония и Дания. На груди размещены Франция (Галлия), Германия, Богемия, столица Священной Римской империи – Вена и т. д. Пруссия, Польша и Венгрия расположены на бедрах. К ногам относятся Албания, Греция, Болгария, Трансильвания, Валахия, Литва, Ливония и Русия (Галиция). И на самом подоле платья, на краю европейского мира, находятся Константинополь и Московия.

Таким образом, борьба за Ливонию относилась к происходящему «в ногах», на окраине, «в бахроме» Европы. Это был конфликт на краю, на границе «христианского мира», как тогда было принято называть западноевропейскую цивилизационную общность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.